

От автора

Предлагаемая вниманию читателя книга продолжает серию моих библиографически-историософских эссе, начатую книгами «Игра в цивилизацию» (Холмогоров 2020^a) и «От Спарты до Византии. Очерки империй железного века» (Холмогоров 2020^b). Особенностью этих эссе является совмещение жанров книжной рецензии и историософского рассуждения, вытекающего из тем, поднятых в анализируемой книге. Такой жанр оказался достаточно привлекателен для читателя, и серия продолжается очередной книгой, посвященной европейскому, русскому и, отчасти, евразийскому Средневековью. А в планах автора как минимум аналогичная книга, посвященная феномену византийской цивилизации.

Особенностью представляемой книги является sdвоенная структура глав. Один очерк в каждой главе посвящен средневековой Руси, другой — Западной Европе или, в одном случае, евразийским степям. Читатель сам увидит, насколько созвучными оказываются темы и процессы средневековья в разных цивилизационных ойкуменах; насколько перекликаются мотивы артуровских

романов Мэри Стюарт и мифы полоцкой летописи, путь святых правителей Андрея Боголюбского и Людовика Святого, проблематика смены сеньориального начала национальным в Средиземноморье эпохи Сицилийской вечерни и России Ивана III. Такие бесчисленные пересечения и созвучия специально мною не конструировались и стали открытием для самого автора, когда книга была собрана. Это подтверждает тот факт, что такой исторический феномен, как Средневековье, и в самом деле существовал, а не был лишь придуман историографией.

Одной из характернейших черт этого Средневековья была не просто повышенная религиозность, а то, что политика от и до была пронизана религией, понимаемой не как общинный ритуал, а как живая и теплая личная вера. Почти два десятилетия назад автор ввел в русский общественный и отчасти научный дискурс понятие *агиополитики*, то есть исследования того, как святость, святыни, святые воздействуют на политический процесс. Для кого-то это воздействие, например уверенность в присутствии невидимых Божьих ратников на полях сражений, является субъективным фактом коллективной психологии религиозных обществ. Для кого-то — объективной данностью, очевидной для очей веры. Для человека Средневековья, как правило, такой двойственности не существовало — вера была явлена с равной силой как в субъективном, так и в объективном измерении. Не учитывая этого особого агиополитического настроения, мы не поймем в истории тысячелетия, следующего после Римской Империи, практически ничего.

Материал излагается в книге не только в хронологическом порядке, от ранних страниц Средневековья к поздним, выходя на спорную границу Нового времени, но и в порядке усложнения обсуждаемого предмета. От литературы, пикантных летописных подробностей, биографий — к обсуждению особенностей формирования русского национального государства и хозяйственно-культурного кода русской цивилизации. Этот код, несомненно, образовался именно в Средние века и был унаследован и Новым, и Новейшим временем. Своеобразным заочным столкновением двух историко-экономических мыслителей, Фернана Броделя и Л. В. Милова, пытавшихся на свой лад определить особенности этого русского кода, и заканчивается книга. Пусть эти два автора и не сопоставимы по масштабу, но вполне сопоставимы по влиянию на представления наших современников о ходе исторического процесса, хотя вектор этого влияния видится мне прямо противоположным.

Представляемые очерки вынужденно полемичны, поскольку, если не с чем полемизировать, то не о чем и писать. Однако в каждом случае речь идет об идейной полемике, а не о личностях. Я сужу не людей, а их мнения. Мнения же требуют непременно такого суда, так как в реальной истории жестокий террор или кровавая замятня гораздо чаще вытекают не из «роста производительных сил», а из идеологических, философских и исторических концепций.

Большинство включенных в эту книгу текстов, как и в предыдущих случаях, публиковались прежде всего на авторском сайте «100knig.com», и я

обязан выразить безграничную признательность всем читателям, которые добрым словом или материальными ресурсами поддерживали этот сайт. Представляемая книга во многом именно их заслуга.

Автор хотел бы посвятить эту книгу памяти Михаила Бударagina — замечательного литературоведа, публициста, редактора, за долгие годы совместной работы с которым появилось немало текстов, вошедших в эту серию книг. Его трагическая несвоевременная кончина стала своего рода финальным аккордом трудных испытаний 2020 года, заставлявших не раз и не два подумать о начинающемся «новом средневековье».

Глава 1

Грехи и легенды

РИМ С КЕЛЬТСКИМ ОРНАМЕНТОМ Мэри Стюарт. Полые холмы¹

В те времена, когда знакомство большинства советских читателей с литературой в жанре «фэнтези» ограничивалось изданным для детей «Хоббитом» да ходившими в самиздате переводами «Властелина колец», мне повезло соприкоснуться с этим жанром с другой стороны. В 1983 году издательство «Радуга» выпустило стотысячным тиражом роман Мэри Стюарт «Полые холмы», посвященный юности и восхождению к трону Короля Артура, руководимого мудрым Мерлином.

Роман был удивителен не только тем, что в нем почти не было магии и волшебства в современном фэнтезийном понимании этого слова: «Боевой маг накастовал несколько файерболов и израсходовал всю ману, нужно отпиться». В конечном счете о такой профанации волшебного мы тогда еще слыхом не слыхивали.

Гораздо более удивительным было то, что в романе едва угадывались герои традиционного

¹ Стюарт М. Полые холмы. М.: Радуга, 1983.

артуровского цикла Томаса Мэлори, знакомого кому-то по литпамятниковскому «первоисточнику», а кому-то по пародии Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура». Никакого Ланселота, никакого Грааля — да и Мерлин не очень похож на воющего пророчества седобородого старца. Это была другая, очень серьезная, почти реалистическая, написанная прекрасной прозой история, к которой прилагались разъяснения писательницы о том, что и из каких источников она взяла, а что и почему придумала сама.

Признаюсь честно, мне, после Стюарт, классические фэнтези всегда казались пресными, не дотягивающими по литературному уровню, а их фантастические ситуации и персонажи — признанием авторов в собственном бессилии сконструировать мир так, чтобы фантазия создавала иллюзию абсолютного реализма.

К артуровской легенде маститая английская писательница обратилась поздно, в 56 лет, будучи уже очень известным автором романов в стиле «романтического саспенса», а если говорить проще — любовного детектива. Один из ее романов «Лунные пряжи» даже превратили в голливудский фильм. Как и ее старшая современница и коллега Агата Кристи, Стюарт увлекалась археологией и древностями. Однако, если госпожа Кристи чувствовала себя как своя среди египетских мумий и ассирийских крылатых быков, то Стюарт интересовалась римской Британией.

XX век стал временем переоткрытия британцами своего римского наследия. Зачинателем этого движения был философ и археолог Робин

Джордж Коллингвуд, а к сему дню оно вылилось в то, что не проходит и года без фильма про Римскую Британию: «Центурион», «Орел десятого легиона», «Последний легион», «Король Артур», в котором легендарный король оказывается сарматом, служившим в римской армии, «Меч короля Артура», в котором клуб Круглого стола комплектуется согласно принципам расовой diversity. Где-то посредине, ближе к началу этого процесса, и находится Мэри Стюарт.

Писательница мечтала создать роман, где действие будет происходить в Римской Британии, однако менее всего могла подумать, что возьмется за Артуровскую легенду. Во-первых, эта легенда отчетливо ассоциировалась с высоким Средневековьем, с галантным веком рыцарства, со стихотворными романами Кретьена де Труа и прозой Томаса Мэлори. Никакой связи с Римом и темными веками в массовом сознании артуровская легенда не имела. Во-вторых, в англоязычном мире гремела слава Тэренса Уайта в «Короле былого и грядущего», сделавшего современное переложение цикла Мэлори, и тягаться с ним никому бы в голову не пришло.

Скорее всего, Стюарт выбрала бы для своей римской прозы иной, не артуровский сюжет (а резонанс ее книг был бы в разы меньше), если бы не обратилась к истокам артурианы, раскрыв прозаическую «Историю бриттов» и стихотворную «Жизнь Мерлина» Гальфрида Монмутского, автора одной из самых грандиозных исторических мистификаций.

Гальфрид был деятелем «возрождения XIII века», когда средневековая Европа переоткрывала

свои римские и греческие корни, еще не отрекаясь от христианства, как это сделал позднейший Ренессанс. В рассказанной Гальфридом своим современникам-англичанам фантастической истории вся Британия получила начало от римлян, Брут построил Лондон, отважный Максимиан, забрав с собой последний легион, завоевал Рим, а сыновья Константина (не Великого, а другого) Аврелий Амброзий и Утерпендрагон победили нечестивого узурпатора Вортигерна и защитили Британию от нашествия варваров-саксов во главе с Хенгистом. Начал пророчествовать волшебник Мерлин, которого едва не принес в жертву Вортигерн. И вот, с помощью Мерлина (в которого превратился под пером Гальфрида колдун Мериддин) король Утер принимает облик мятежного герцога Голроя и утоляет страсть к его жене Игрейне, от чего и родится великий Артур.

История Британии становится у Гальфрида не историей англосаксов, завоеванных нормандцами, а прямым продолжением истории Рима с кельтскими вариациями. Эта блистательная «реконструкция» и открыла для Стюарт дорогу в артуровскую легенду без необходимости изменять интересу к римской Британии. Фактически писательница лишь немного модифицировала сюжет Гальфрида Монмутского, относясь к нему так, как если бы он был исторической и художественной правдой, перелагая его как набор совершенно реалистичных и очень живых картин, рассказанных от лица Мерлина.

Первый роман — «Хрустальный грот» — посвящен молодости Мерлина, который оказывается

не столько волшебником, сколько выдающимся интеллектуалом, знатоком архитектуры, военного дела, медицины и человеческой психологии. Он встречается своего отца — короля Амброзия, становится его советником, восстанавливает Стоунхендж, а затем «организует» зачатие Артура Утером в безумной ночи обмана с Игрейной.

Второй роман — «Полые холмы», оказался неожиданностью для всех, включая саму Стюарт. Писательница совершенно не собиралась продолжать «Хрустальный грот». Это не входило ни в ее намерения, ни в планы издателей, об этом просили читатели, но авторы слушают читателей далеко не всегда. В большом интервью, где Стюарт раскрыла многие тайны своей творческой лаборатории, она честно признается, что не знает, почему написала продолжение. Возможно, это было такое же божественное наитие, которое охватывает ее Мерлина.

Так или иначе, «Полые холмы» — вершина трилогии. Это невероятно изящно и увлекательно написанный роман воспитания. Юный Артур возрастает, познает мир, познает себя, ищет отца — и все это под влиянием мудрого наставника Мерлина, создающего своего идеального короля. Архетип «воспитание чудесного мальчика» был заимствован Джоан Роулинг именно у Стюарт, и пара Гарри Поттер-Дамблдор является очевидным отзвуком пары Артур-Мерлин. Кто, будучи мальчишкой и прочитав эту книгу, не ассоциировал себя с Артуром, даже если никаких Мерлинов поблизости не наблюдалось?

Постепенно роман воспитания разгоняется до эпической батальной развязки. Юный Артур

обретает меч Максима, последнего римского правителя Британии, представляется ко двору Утера, и Мерлин добивается его признания отцом и утверждения законным наследником. Больной, лежащий на носилках Утер, и юный Артур побеждают саксов Окту и Эозу в эпической битве, Утер умирает, а Артур становится королем. Это Идеальный Король, который приносит своему народу — бриттам — мир, свободу и безопасность от варварских вторжений. Его власть опирается не только на наследие, не только на чудесный меч, но и на совет мудреца и волшебника Мерлина, который оказывается самым грозным оружием Артура.

Главный герой Стюарт — все-таки Мерлин. Он волшебник, в том смысле, что он интеллектуал и политехнолог, дело которого — творить историю. Отчасти он действует, повинувшись мистическому голосу, отчасти — собственному разуму и целям. Его задача — сотворить Идеального Короля, и он идет к этой цели по крови, трупам, обману, обучая, уговаривая, манипулируя людьми, наводя тень на плетень, поскольку слишком часто цели людей, их представления о добре и справедливости плохо согласуются с целью Истории.

В конце «Хрустального грота» состоится показательное объяснение Утера и Мерлина. Утер бросает Мерлину обвинение в том, что он никакой не волшебник и не пророк, что все его мастерство — это обман. Ведь если бы Мерлин был ясновидящим, он бы знал, что той самой ночью, когда Утер проникнет в покои Игрейны, ее муж Голройс совершит вылазку против войск Утера

и будет убит. Уже на следующее утро Игрейна была бы вдовой, Утер мог бы законно на ней жениться, их сын был бы не бастардом, а первенцем короля, не погибло бы множество участников «спецоперации».

— Насколько проще и понятней все могло бы быть, если бы подождать до завтра, — восклицает Утер, упрекая Мерлина, который не смог предвидеть такого поворота.

Мерлин отвечает одной фразой:

— Завтра ты зачал бы другого ребенка.

Идеальный Артур мог бы появиться только в одно время и в одном месте. И Мерлин приложит все усилия к тому, чтобы создать именно эту историю. Он — пророк исторического «Хитрого Разума», с одной стороны — верящий в историческую судьбу, живущий в своих пророческих видениях, а с другой — точно знающий: чтобы История свершилась, ее надо неустанно устраивать и творить, не забывая параллельно с историей сочинять Легенду.

Артуровская легенда, история как *легенда*, история как *эпос* предстает у Стюарт как плод сознательного конструирования Мерлином. Когда он хочет скрыть или приукрасить правду, отвести клевету или подозрение, противостоять невыгодным слухам, он, по своему праву провидца и волшебника, засеивает в людские умы семена той или иной легенды, и они возрастают, превращаясь в предание об Артуре.

Разумеется, всеохватывающая цепь исторических событий, свершений и мнимых «случайностей», которую плетет Мерлин, иногда тоже дает обрывы. В конце «Полых холмов» коварная

чаровница Моргауза затягивает наивного Артура (не знающего, что она его сестра) в свою постель и совершается инцест — плод которого, Мордред, станет ядом, разрушающим идеальное королевство и самого идеального короля. Мордред оказывается пределом мира и свободы, которые по замыслу Мерлина подарит Британии Артур. Всю третью книгу — «Последнее волшебство» — король и волшебник пытаются развязаться с этой проблемой, но без особых успехов.

Артуровский мир женщины Мэри Стюарт — это мир совершенно антифеминистский. В нем все зло и угроза исходят от женщин. Моргауза совращает Артура на чудовищный кровосмесительный грех. Моргана пытается погубить его при помощи заговора. Гвиневра (Стюарт зачем-то создает двух королев — рано умершую при родах «светлую» Гвиневру и ее изменившую Артуру тезку) предает Артура своей страстью. А сам Мерлин на старости влюбляется в коварную волшебницу Вивиану.

Если говорить о литературе как о мастерстве письма, богатстве языка и образов, искусстве плести ткань повествования, то артуровский цикл Мэри Стюарт — это практически совершенная литература. Если говорить об идейном влиянии, то и его невозможно переоценить — фактически именно романы Стюарт полностью перевернули современное прочтение артуровской легенды. Из своего средневекового антуража она была перенесена в позднеримскую эпоху. Без позднеримского «пеплума» на близкую к артуровской легенде тему теперь невозможно представить историческое кино. Хотя сами романы Стюарт до-

стойного их киновоплощения почему-то не получили, притом, что именно в своем оригинальном виде вполне тянут на сагу под статью «Властелину колец». Именно благодаря Стюарт Гальфрид Монмутский сегодня решительно превалирует как источник «артуровского» вдохновения над Томасом Мэлори.

Мэри Стюарт произвела полную перековку центральной западноевропейской легенды. Как в основе греческой цивилизации лежит Троянский цикл, римской — цикл легенд об Энее, Ромуле и первых героях Рима, так в основе западноевропейской цивилизации лежит именно артуровский цикл. Это ее сердцевинный миф — миф о добром короле, устанавливающем справедливое и мудрое правление, о собранном вокруг него избранном обществе героев, искателей приключений и просветления. О преступной любви и супружеской измене (адультер — вообще один из ключевых для Западной Европы прасюжетов). И о конечной гибели всего этого прекрасно устроенного мира в братоубийственной войне, развязанной преступным наследником. Артуровский эпос вытеснил для англосаксонского и даже отчасти романского мира из этого ядра другой, более древний миф — миф Эдды и Песни о Нибелунгах. Европа Нибелунгов сжалась и окончательно закончилась с Третьим Рейхом, Европа Артура пока держится.

Кельто-римская, более древняя кровь западноевропейской цивилизации, за вторую половину XX века взяла верх над более молодой — германской кровью. И именно Мэри Стюарт осуществила литературную перепрошивку артуровского

мифа — теперь это миф о преемственности цивилизации в Британии с кельтских и римских времен, о синтезе этих двух начал как основы цивилизации, и об их борьбе с германо-саксонским началом как образом варварства эпохи Великого переселения народов.

Британия предстает не как часть молодого и чистосердечного варварского мира (вспомним историю Беды Достопочтенного про англов-ангелов), а напротив — как земля тысячелетий, пропитанная римским духом и опутанная древней магией Стоунхенджа. Случайно ли, что в 1958–1962 годах были произведены капитальные работы с памятником, так что многие конспирологи теперь верят в то, что Стоунхендж «построен заново». Да и у самой Стюарт в «Хрустальном гроте» Мерлин восстанавливает этот комплекс. Утратив в 1950–1960-х годах заморскую империю, Британия переоткрывает себя как Рим. Рим с кельтским орнаментом. Сделано это было вполне осознанно и с последовательным конструктивизмом. В романах Стюарт трудно не увидеть рефлексию над этим процессом — переписывание истории и, вместе с тем, размышление над тем, как именно пишется и переписывается история. Можно даже задать конспирологический вопрос, не были ли книги Стюарт не столько зеркалом, сколько составной частью этого культурологического эксперимента.

Созданная Стюарт фигура Мерлина — «технолога истории», который одновременно и создает Событие и пишет Легенду, — в любом случае, одна из сильнейших фигур в британской литературе XX века.

ВЛАДИМИР НЕ НАСИЛОВАЛ РОГНЕДУ

Полоцкая летопись и конструирование исторического мифа

Обдолбанный мухоморами князь на грязном полу залезает на белокурую юную пленницу. На этот позор смотрят не только ее мать и отец, которых затем убивают, но и дружинники-варяги, бьющие мечами в щиты. Грязная сцена изнасилования Рогнеды стала кульминацией «исторического» фильма «Викинг». В некоторых кинотеатрах ленту показывают в двух вариантах, с изнасилованием и без, что существенно влияет на возрастную маркировку.

Историки, археологи, писатели, кинематографисты разнесли «Викинга» буквально на бревна, и автор этих строк внес свою, не такую уж скромную лепту (Холмогоров 2018: 53–76). И все-таки напористая реклама, атмосфера скандала и давление новогодней скуки сделали свое дело: фильм стремится ко все новым и новым кассовым успехам. Многие шли специально «на изнасилование», тем более что с его историчностью, в отличие от многих других сцен фильма, вроде бы не поспоришь.

Создатели «Викинга» выразились, мягко говоря, неточно, когда утверждали, что их сценаристом был Нестор. В настоящей «Несторовой летописи», то есть «Повести временных лет», никакого изнасилования Рогнеды нет. Начиная с самой ранней версии, надежно реконструируемой учеными Начальной русской летописи — той, которая отразилась в Новгородской Первой Летописи младшего извода, идущий под 978 годом

рассказ о взятии Владимиром Полоцка и судьбе Рогнеды остается неизменным (НПЛ 2000: 125–126).

Летописец кратко рассказывает о том, как Владимир посватался к дочери правителя Полоцка Рогволода — Рогнеде. Она отказала, сославшись на его рабское происхождение, и заявила, что хочет выйти за брата Владимира — Ярополка, княжившего в Киеве. Владимир с большим войском взял Полоцк, убил Рогволода и его сыновей, а Рогнеду, уже собиравшуюся к своему киевскому жениху, взял в жены. Под 1000 годом ПВЛ также сообщает о смерти Рогнеды, названной «матерью Ярослава».

Мелодраматичная история позора дочери Рогволода — изнасилование ее Владимиром по приказу «злого гения» Добрыни на глазах отца и матери, попытка убийства ею Владимира из ревности, попытка Владимира казнить ее, прерванная маленьким Изяславом, и выделение ей и сыну удела в Полоцке — содержится в Лаврентьевской летописи, одном из древнейших сохранившихся летописных списков, созданном около 1370 года, где она читается на обороте 99-го листа под 6636 от сотворения мира (1128) годом в отдельной повести, посвященной происхождению сепаратного от Киева Полоцкого княжения (далее для простоты мы будем называть эту повесть «полоцкой легендой»).

Слово в слово эта же повесть читается и в Радзивилловской летописи, переписанной в конце XV века в Западной Руси, возможно, что и в том же Полоцке. Ее Радзивилловский (Кёнигсбергский) список украшен интересными миниатюрами-иллюстрациями, среди которых несколько

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru